

САНКЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1-9-32

Научная статья / Research paper

Б.И. Ананьев*

МЕНЬШЕ, ЧЕМ ШКОЛА, БОЛЬШЕ, ЧЕМ ИНСТРУМЕНТ? К ВОПРОСУ ОБ АКАДЕМИЧЕСКОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ САНКЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76*

Статья выстраивается вокруг дискуссионного вопроса о том, может ли изучение санкционной проблематики претендовать на статус самостоятельной предметной области политической науки либо его роль ограничивается набором сугубо инструментальных решений, не выходящих за пределы теорий среднего уровня. Для того чтобы дать на него ответ, автор систематизирует различные аргументы, составляющие основу опосредованной профессиональной дискуссии по теме. На примере англоязычного корпуса профильной литературы последовательно проанализированы лингвистические, теоретико-методологические и институциональные аспекты вопроса. Отдельно освещены особенности концептуализации рассматриваемого феномена в российском академическом сегменте. Автор заключает, что сильной стороной отечественного подхода является внимание к методологическому компоненту, в частности разработка ряда баз данных, адаптированных под специфику страновой санкционной повестки и призванных предоставить уникальный продукт, преодолевающий недостатки зарубежных аналогов. Автор приходит к выводу, что в России имеются предпосылки для формирования национальной школы санкционных исследований, однако в силу позднего старта и во многом реактивного характера рефлексии данной проблематики, вероятно, для

* *Ананьев Борис Игоревич* — старший преподаватель кафедры политической теории факультета управления и политики МГИМО МИД России (e-mail: ananuyev boris92@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9880-8830).



этого потребуется определенное время. В целом по итогам проведенного анализа автор заключает, что экспертиза в области экономических санкций представляет собой самостоятельное направление, характеризующееся практической востребованностью и одновременно низким уровнем институционализации в условиях существующей архитектуры производства научного знания. Следовательно, предлагается легитимизировать синонимы «*sanctions studies*» / «санкционные исследования» в дискурсе по соответствующим вопросам.

Ключевые слова: теория международных отношений, политическая теория, санкции, экономические санкции, санкционные исследования, теория среднего уровня, методология

Для цитирования: Ананьев Б.И. Меньше, чем школа, больше, чем инструмент? К вопросу об академической самостоятельности санкционных исследований // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2026. Т. 18, № 1. С. 9–32. DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1-9-32.

Boris I. Ananyev

**SANCTIONS STUDIES:
MORE THAN AN INSTRUMENT —
LESS THAN AN ACADEMIC FIELD?**

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454*

The article addresses the disputed issue of whether sanctions studies constitute an independent research field within political science or whether their function is confined to a set of utilitarian solutions that do not transcend middle-range theories. The author summarizes the key arguments that form the basis of an indirect professional discussion on the topic. On the basis of the English-language body of specialized literature, the article covers the linguistic, theoretical-methodological, and institutional aspects of the issue. Special attention is paid to the conceptualization of sanction studies in the Russian academic discourse. The author notes that a key advantage of the Russian approach lies in its reliance on the methodological component, particularly the development of several databases adapted to the nuances of the national sanctions framework and aimed at producing a unique output that surpasses the limitations of foreign counterparts. The author argues that there is potential for the formation of a distinctive Russian school of sanctions studies; however, due to a late start and the largely reactive nature of reflections on this issue, it will not occur quickly.

The author concludes that expertise in the field of economic sanctions represents a distinct area of study, marked by practical relevance and a relatively low level of institutionalization within the established framework of academic research. Consequently, the article suggests legitimizing the ‘sanctions studies’ concept within the discourse on relevant issues.

Keywords: IR theory, political theory, sanctions, economic sanctions, sanctions studies, middle-range theory, methodology

About the author: *Boris I. Ananyev* — Senior Lecturer at the Department of Political Theory, School of Governance and Politics, MGIMO University (e-mail: ananyevboris92@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9880-8830).

For citation: Ananyev, B.I. (2026) ‘Sanctions studies: more than an instrument — less than an academic field?’, *Lomonosov World Politics Journal*, 18(1), pp. 9–32. Available at: <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2026-18-1-9-32>. (In Russian.)

Введение и предварительные замечания

В 2000 г. известный специалист-общественник П. Валленстин подготовил материал «Столетие экономических санкций: обзор предметного поля» [Wallensteen, 2000], в котором предпринял попытку обобщить опыт применения этого инструмента во взаимодействиях на международной арене. При этом автор представил механизм достижения политических целей за счет подобных действий как самостоятельное явление, обладающее собственной внутренней логикой и закономерностями развития. Действительно, санкции представляют собой исторически укорененное средство реализации интересов государств на международной арене, которое прошло длительный путь эволюции от прерывания торговых контактов до так называемых вторичных ограничений, связанных с репрессивными мерами в отношении субъектов, не соблюдающих действующий санкционный режим; от односторонних действий до институционализации в рамках международного права под эгидой глобального актора уровня ООН¹; от отсутствия в публичной политической риторике

¹ В период максимального разрастания санкционная экосистема ООН включала 14 режимов, действующих в области ядерного нераспространения, борьбы с терроризмом и политического урегулирования внутренних и международных конфликтов. Для обеспечения функционирования режимов создается профильный комитет под руководством одного из непостоянных членов Совета Безопасности. Кроме того, вспомогательные (прежде всего мониторинговые) задачи для 10 из 14 групп выпол-

до упоминания в нобелевской речи Дж. Картера². Иными словами, непосредственно в практическом плане санкции как вид несилового принуждения продемонстрировали значительный прогресс, что, как правило, находит подтверждение в оценках профильных экспертов.

В то же время их изучение как части теории международных отношений и — шире — политической науки в целом находится в двойственном положении: рефлекслируемый феномен занимает важное место в текущей повестке, но его интеллектуальная орбита формируется с существенной инерцией³. Так, за период более или менее выраженного внимания совокупный объем работ по теме превысил порог эпизодического интереса, продемонстрировав значимость для профессионального сообщества, однако статус данных исследований остается неопределенным, что порождает заслуживающую внимания проблему. Будучи фактически востребованной, санкционная экспертиза не получила признания в качестве самостоятельной области научного поиска. В итоге целый пласт литературы оказывается в своего рода «серой зоне», выступая скорее в роли вспомогательной конструкции для развития мысли в сфере международного права или политической экономии. Это в свою очередь влечет за собой противоречие: наделять какой-либо элемент международной жизни чертами сущностной автономии и одновременно отказывать ему в эпистемологической самодостаточности по меньшей мере контрпродуктивно⁴.

няют 9 групп по наблюдению. См.: Санкции Совета Безопасности // Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/information> (дата обращения: 05.03.2026).

² См.: Jimmy Carter Nobel lecture // The Nobel Prize. 10.12.2002. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/peace/2002/carter/lecture/> (accessed: 05.03.2026).

³ В этом смысле дисциплина демонстрирует сходство с исследованиями в области международной безопасности (*security studies*), которые периодически развиваются «от предмета», а не теории, как в ситуации с появлением ядерного оружия. Последнее стало для международников из гражданского сектора событием критической важности, породив необходимость осмыслить последствия в категориях высокой абстракции и теорий среднего уровня, а также развивать базовую аналитическую инфраструктуру с привлечением специалистов из естественных и военных наук (RAND Corporation) [Buzan, Hansen, 2009: 66].

⁴ Наиболее заметным возражением на данный тезис, вероятно, будет указание на междисциплинарный характер исследований в области санкционной проблематики. Действительно, работа на данном направлении ведется с применением инструментов и категориального аппарата экономики, права, политической науки и некоторых более специфических областей (например, этики международных отношений).

Соответственно цель автора данной статьи — проанализировать существующие точки зрения на положение санкционных исследований в системе политической науки и представить авторский взгляд на возможное разрешение обозначенного противоречия.

Научная новизна предлагаемого материала обусловлена следующими обстоятельствами:

- 1) вопрос о гносеологической самостоятельности санкционной экспертизы впервые поднимается в русскоязычной академической среде;
- 2) автором агрегированы и отрефлексированы значимые для рассматриваемой ситуации аргументы и данные, ранее не фигурировавшие в рамках единого текста;
- 3) по итогам исследования предлагается ввести в научный оборот термины «санкционные исследования» и «*sanctions studies*», которые ранее полноценно не присутствовали в профессиональном словаре.

Однако, перед тем как перейти к движению в сторону поставленной цели, необходимо сформулировать несколько важных предварительных замечаний.

Прежде всего, само понятие «западной» науки⁵ применительно к теме санкционной экспертизы можно употреблять только в от-

Однако это одновременное присутствие в академическом поле составляет скорее не синергию, а диссонанс: анализ источников и наблюдение за профессиональным сообществом показывают, что зачастую эксперты, рассуждая об одном и том же феномене, фактически не только говорят на разных языках, но и демонстрируют альтернативные онтологические установки. Например, понятие вторичных тарифов, которые с лета 2025 г. стали частью санкционной практики США, не будучи закрепленным в нормативном поле, вызывает закономерные вопросы и критику у отечественных юристов и одновременно находит понимание у международных, что снижает эффективность коммуникации и вместе с тем является аргументом в пользу движения в сторону унификации подходов в рамках отдельного самостоятельного направления научного поиска.

⁵Для представления полной картины происходящего в рассматриваемой области знания необходимо обратить внимание на появление в последние годы так называемых незападных санкционных исследований (по аналогии с западной политической наукой) в странах с соответствующим историческим прошлым либо активно вовлеченных в текущую санкционную повестку, прежде всего на пространстве БРИКС (Китай, Индия, ЮАР и др.). Среди основных форматов — экспертные материалы [Chen, Garcia, 2016] и деятельности аналитических центров (см., например: Chongyang Institute for Financial Studies. Renmin University of China. URL: <http://rdcy.ruc.edu.cn/yw/HOME/index.htm> (accessed: 05.03.2026)). Однако в силу существенной языковой разрозненности, сложностей с получением информации из открытых источников и преимущественно точечным прикладным характером проводимой ими работы в данной статье они предметно не разбираются.

носителю-инструментальному значению ввиду отсутствия консолидированной традиции как таковой; вероятно, речь может идти о параллельном развитии нескольких страновых исследовательских треков. В частности, американский подход, подразумевающий значительное внимание к теоретическим аспектам выстраивания санкционных коалиций *ad hoc*, отличается, например, от скандинавского, который преимущественно ориентирован на совершенствование концептуальных моделей сдерживающих механизмов через привлечение ООН⁶. В свою очередь выявить объединяющий признак для большинства европейских авторов затруднительно в принципе, поскольку зафиксировать устойчивые корреляции не представляется возможным по нескольким причинам.

Во-первых, несмотря на совокупный объем накопленных источников (даже если принимать за точку отсчета рефлексию первого эпизода применения санкций со стороны Совета Безопасности ООН против Южной Родезии в 1966 г., то история вопроса насчитывает уже более полувека), попытка учесть национальный фактор не даст репрезентативных результатов. Так, в отношении Италии полученная выборка, по оптимистичным оценкам, будет включать не больше десятка фамилий с хедлайнером в лице Ф. Джумелли [Giumelli, 2010, 2011, 2013], что явно недостаточно для фундированных выводов⁷.

⁶ Речь идет о группе авторов, объединенных вокруг Университета Упсала, а также Института исследований мира в Осло, которые в 1960-е гг. внесли значимый вклад в методологический компонент дисциплины, — Й. Хоффмане, П. Валленстине и Й. Галтунге и др.

⁷ При рассмотрении страновых треков в случае с европейскими авторами неизбежно возникает вопрос разбора источников на национальных языках. В общем виде ответ на него может быть дан следующим образом: определенный корпус неанглоязычной европейской литературы по санкционной проблематике действительно существует и может стать темой отдельного самостоятельного исследования. Однако в данном материале не представлен его подробный анализ по следующим причинам. Во-первых, в сравнительной перспективе общий объем таких текстов невелик; у приводимого в качестве примера Ф. Джумелли можно обнаружить только 2 из более чем 20 работ, выполненных на итальянском языке [Giumelli, 2012, 2023], что можно считать репрезентативным показателем. Во-вторых, в них не содержатся значимые для дисциплины теоретико-методологические находки: как правило, это адаптация ключевых англоязычных авторских текстов для более узкой читательской аудитории. В-третьих, даже в случаях использования национального языка авторы преимущественно ссылаются на англоязычные источники, что делает последние предпочтительными для осмысления.

Во-вторых, в рамках рассматриваемого направления зачастую действуют смешанные исследовательские коллективы, такие как группа под руководством Н. Бапата [Varat et al., 2013], что объективно осложняет возможность вычленить вклад конкретного участника и в дальнейшем провести соответствующие обобщения. Кроме того, распространены ситуации, когда происхождение ученого не соответствует аффилиации с академическим либо исследовательским центром. Упомянутый скандинавский подход может позиционироваться в данном качестве с определенной долей условности на основании устойчивых профессиональных связей (включая публикационную активность) ряда экспертов с двумя университетами Норвегии и Швеции. Однако подобная практика представляет собой скорее исключение.

Таким образом, для удобства использования в случаях, когда национальная принадлежность автора не имеет принципиального значения, сочетание «западная наука» может выступать синонимом англоязычного корпуса текстов.

Наконец, стоит остановиться на российском кейсе санкционных исследований, поскольку в силу следующих факторов его имеет смысл рассматривать отдельно от западной традиции.

1. Несмотря на исторически ранний старт (о чем более подробно будет сказано в соответствующем разделе), российская санкционная экспертиза — молодое направление, выросшее из реальной практической необходимости, которая возникла вследствие так называемого санкционного цунами 2014 г., а не абстрактного научного интереса. При этом с учетом неизбежной инерции (т. е. времени, требуемого для осмысления интересующего феномена) большая часть работ начала выходить примерно с 2017–2018 гг. Однако за столь скромный по меркам социально-гуманитарной области временной отрезок объем и вариативность форматов опубликованных текстов превысили уровень эпизодического внимания к теме⁸.

2. Параллельно с курсом на экономическую суверенизацию в зарождающихся российских санкционных исследованиях также была предпринята попытка своего рода интеллектуального импортозамещения, подкрепленная как институциональными усилиями (среди прочего — создание в структуре Института международных исследований МГИМО МИД России Центра экспертизы санкцион-

⁸ Речь идет о таких форматах, как экспертный комментарий, аналитический доклад, научная статья, монография, хрестоматия, учебно-методические материалы.

ной политики), так и оригинальными теоретико-методологическими находками (в частности, выявление по итогам дискурс- и контент-анализа нормативных документов принципиально новых модальностей глобальной санкционной политики [Арапова, 2023]).

3. Национальный подход отличается стремлением «приземлить» полученный опыт, внедрив собственные наработки в дидактический процесс. Так, на базе ряда вузов (в том числе МГИМО МИД России, МГУ имени М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ, РАНХиГС, МГЮА им. О.Е. Кутафина) реализуются специализированные учебные дисциплины и курсы профессиональной переподготовки по теме комплаенс, ориентированные на специфику существующей санкционной конъюнктуры.

4. В отличие от разобранных примеров, отечественная исследовательская практика лингвистически гомогенна. За некоторыми немногочисленными исключениями [Vaslavskiy et al., 2019], это прежде всего русскоязычные публикации для русскоязычной аудитории, что косвенно подтверждается показателями цитирования⁹. Следовательно, можно сказать, что речь идет о довольно замкнутой системе производства и распространения знания.

Содержание дискуссии и аргументы сторон

Если обращаться к англоязычной исследовательской практике, то, как правило, лингвистическим маркером наличия специфической выделенной области являются термины «*studies*» и «*research*», используемые как для описания непосредственно объекта (например, *security studies*, *climate studies*, *maritime and naval studies*, *migration research* и т. д.), так и в названии соответствующих структур (Centre for War Studies¹⁰, Center for Strategic and International Studies¹¹, Center for Nonproliferation Studies¹² и др.). В то же время выражение «*sanctions*

⁹Наукометрический анализ, проведенный на основе платформы «elibrary.ru», показал, что на шесть русскоязычных публикаций в периодических научных изданиях, которые упоминаются в данной статье [Ананьев, 2019; Арапова, 2023; Соломин, 2023; Тимофеев, 2023а, 2023б; Энтин и др., 2024], приходится 97 цитирований, из которых только четыре — это англоязычные материалы иностранных авторов либо отечественных исследователей, ориентированные на зарубежную аудиторию.

¹⁰Centre for War Studies // University of Hull. URL: <https://www.hull.ac.uk/work-with-us/research/groups/centre-for-war-studies> (accessed: 05.03.2026).

¹¹Center for Strategic and International Studies. URL: <https://www.csis.org/> (accessed: 05.03.2026).

¹²James Martin Center for Nonproliferation Studies. URL: <https://nonproliferation.org/> (accessed: 05.03.2026).

studies» (наиболее очевидный прямой аналог) не только не считается общепотребительным в англоязычной литературе, но и практически не используется, а применяемые конструкции указывают скорее на инструментально ориентированное восприятие предмета. Это можно проследить на примере массива экспертных и методических материалов, в частности: «Research handbook on economic sanctions» [Research handbook on economic sanctions, 2021], «Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions» [Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions, 2021], «United Nations sanctions and the rule of law» [Farrall, 2007], «UN sanctions and conflict: responding to peace and security threats» [Charron, 2011], «Economic sanctions in international law and practice» [Economic sanctions in international law and practice, 2020] и др.

Помимо особенностей словоупотребления в качестве аргумента отмечается фрагментарность освящения санкций как обособленного феномена в работах по теории международных отношений [Martin, 1993; Тимофеев, 2023b]¹³. Возможно, это связано с изначально ограниченным объяснительным потенциалом больших парадигм [Ананьев, 2019], что находит подтверждение в некоторых источниках:

- «Теории эффективности санкций так и не стали частью более общей теории международных отношений. То же можно сказать и о политической теории в целом. На то были свои причины. Фундаментальная теория мало что давала прикладным исследованиям политики санкций — дистанция между общими категориями и конкретными прикладными проблемами оказывалась слишком большой. Кроме того, последние 30 лет, на которые и пришелся расцвет исследований санкций, характеризовались относительно стабильной международной средой [Тимофеев, 2023b: 105]»;
- «Существующая теоретическая литература довольно противоречиво и рассогласованно подходит к оценке влияния позитивных либо комбинированных санкций на ход международных конфликтов. Исследования, сосредоточенные вокруг внутриво-

¹³ Так, даже в экономикоцентричной парадигме комплексной взаимозависимости они, несмотря на имплицитное присутствие в общей линии рассуждений, концептуализированы достаточно поверхностно; механика и движущие силы, внутренняя логика и институциональные рамки практически не раскрываются как самостоятельный структурный компонент внешнеполитической деятельности. Парадоксально, но в теоретическом плане большее внимание санкциям уделяет классик раннего политического реализма Э. Карр [Carr, 1946].

литических факторов, рассматривают позитивные и негативные санкции как логически неразличимые в рамках игры с нулевой суммой в отношении выгод и потерь. В то же время в работах, построенных на анализе взаимоотношений конфликтующих сторон, иногда признается разница между кнутом и пряником, но они не дают никакого представления об особенностях комбинированных санкционных стратегий» [Jaeger, 2018: 20].

Таким образом, при рассмотрении обозначенных положений может возникнуть впечатление, что санкции в англоязычном дискурсе не выходят за рамки в лучшем случае теорий среднего уровня, а потребность в их осмыслении в категориях оригинальной области научного поиска не относится к приоритетным.

Вместе с тем было бы бесосновательно утверждать, что в западной науке не сложилось преемственности и стройности в изучении санкционной проблематики и это не позволяет ей претендовать на академическую субъектность.

Во-первых, при знакомстве с корпусом профильной литературы можно обнаружить сквозной уникальный категориально-понятийный аппарат, который — что немаловажно — отражает эволюцию взглядов экспертного сообщества. Например, введенное Г. Хуфбауэром в 1983 г. и впоследствии ставшее общепотребительным понятие «черных рыцарей» — государств, способствующих обходу ограничений подсанкционными режимами [Hufbauer, Shott, 1983], — уходит корнями в полемику 1920-х гг. относительно возможностей санкционной архитектуры Лиги Наций [Mitrany, 1926]. Фактически речь идет о более чем полувековой интеллектуальной динамике, что является весомым аргументом в пользу наличия соответствующей исследовательской традиции. Аналогичное верно и в отношении так называемого парадокса Дрезнера — концепции, опровергающей линейную зависимость между жесткостью ограничений, ориентированных на политические изменения в стране-мишени, и перспективами их успеха [см. подробнее: Drezner, 1999]. Так, вопрос о целесообразности применения механизмов экономического сдерживания для достижения политически мотивированных целей поднимался уже в 1960-е гг.; в частности, американский юрист-международник Г.Дж. Таубенфельд, внедривший в дисциплину методологию кейс-стади, отмечал следующее: «Поскольку для большинства государств существует альтернатива в виде развития в русле реалистской парадигмы, политические игры с мировой торговлей

или односторонней помощью — это опасная, саморазрушительная партия для сторонников открытого мира. <...> Таким образом, внешнее экономическое давление определено менее перспективно в случае жестко-централизованных, чем демократических режимов. <...> Наиболее очевидный вывод заключается в следующем: союзники США с высокой степенью зависимости от Вашингтона (особенно если их политические институты выстроены по западному дизайну) — лучшие кандидаты для экономических санкций в случае соответствующего решения коллективного Запада. <...> В то же время зависимые от СССР страны с плановой экономикой попросту менее уязвимы» [Taubenfeld H., Taubenfeld R., 1964: 193–194]. Как и в предыдущем примере, здесь прослеживается последовательное движение в теоретико-методологической плоскости, которое получило свой современный вид в результате задействования элементов игрового моделирования¹⁴.

Однако важно заметить, что характер научного поиска на данном направлении в целом не отличается равномерным поступательным приращением знания, а скорее выстраивается вокруг знаковых системообразующих работ и последующих дискуссий относительно их методологии, содержания и выводов. В частности, уже упоминавшийся программный материал «Economic sanctions reconsidered: history and current policy», с одной стороны, стал органичным продолжением ранее начатых обсуждений эффективности санкций; с другой стороны, положил начало новой волны рефлексии по теме. Схематично этот цикл можно представить следующим образом: «Economic sanctions» (1981) [Renwick, 1981] — «Economic sanctions in support of foreign policy goals» (1983) [Hufbauer, Shott, 1983] — «Dilemmas of economic coercion: sanctions in world politics» (1983) [Dilemmas of economic coercion..., 1983] — «Economic sanctions reconsidered: history and current policy» (1985) [Hufbauer et al., 1985] — «International sanctions in theory and practice» (1987) [Doxey, 1987] — «Why economic sanctions do not work?» (1997) [Pape, 1997] — «Why economic sanctions still do not work» (1998) [Pape, 1998] — «The sanctions paradox: economic statecraft and international relations» (1999) [Drezner, 1999]. Другим примером может служить серия публикаций 1960-х гг., посвящен-

¹⁴ Внедрение компонентов теоретико-игрового моделирования в виде не только ранее распространенного анализа кейсов, но и ожиданий участников потенциального конфликта, который будет сопровождаться введением санкций, стало важной методологической находкой Д. Дрезнера [Drezner, 1999].

ная совершенствованию процедуры анализа кейсов, а именно: «The economic weapon: the League and the United Nations» (1964) [Taubenfeld H., Taubenfeld R., 1964] — «The functions of economic sanctions: a comparative analysis» (1967) [Hoffmann, 1967] — «On the effects of international economic sanctions, with examples from the case of Rhodesia» (1967) [Galtung, 1967] — «Characteristics of economic sanctions» (1968) [Wallensteen, 1968].

Во-вторых, при оценке ситуации рационально, на наш взгляд, ориентироваться и на косвенные показатели, например широту представленности темы на ведущих специализированных площадках. Если обратиться к архивным материалам старейшей и одной из самых влиятельных профильных организаций — Ассоциации международных исследований (International Studies Association, ISA), которая объединяет более 7000 специалистов в области международных отношений, то можно обнаружить, что в рамках ее ежегодных Конвентов за период с 2009 по 2024 г. (выборка обусловлена наличием программ в открытом доступе) состоялось по меньшей мере 86 панелей и круглых столов, связанных с санкционной проблематикой¹⁵. При этом сравнительный анализ показывает, что события 2014 г. не оказали существенного влияния на их количество: начиная с 2015 г. можно наблюдать постепенный рост, однако медианные значения до и после оставались в целом сопоставимыми (табл. 1, табл. 2).

Данные мероприятия попадают в широкий спектр направлений — от безопасности и политической экономии до новых трендов в изучении внешней политики, что одновременно говорит об их высокой востребованности и междисциплинарном характере (табл. 3).

Вместе с тем обращает на себя внимание отсутствие явного стремления скоординировать усилия и определить общие рамки, которые могли бы стать основой для создания специализированной области политической науки. Другими словами, в профессиональном сообществе санкции пока что не воспринимаются как феномен, претендующий на центральное место в отдельном направлении рефлексии международной повестки. Основные идеи раздела систематизированы в табл. 4.

¹⁵ При работе с программами Конвентов ключевыми словами для поиска были фигурировавшие в темах мероприятий термины «sanctions», «economic coercion» и «boycotts». См.: Past ISA conferences and programs // International Studies Association. URL: <https://www.isanet.org/Conferences/Archive> (accessed: 05.03.2026).

Таблица 1

**Мероприятия по санкционной проблематике на Конвентах Ассоциации
международных исследований (2009–2013)**

Год	Количество	Формат	Год	Количество	Формат
2009 <i>Нью-Йорк</i>	4	3 панели 1 круглый стол 21 доклад	2012 <i>Сан-Диего</i>	3	3 панели 22 доклада
2010 <i>Новый Орлеан</i>	6	5 панелей 1 круглый стол 27 докладов	2013 <i>Сан-Франциско</i>	6	2 панели 1 круглый стол 13 докладов
2011 <i>Монреаль</i>	3	3 панели 19 докладов			

Источник: составлено автором на основе: Past ISA conferences and programs¹⁶.

Таблица 2

**Мероприятия по санкционной проблематике на Конвентах Ассоциации
международных исследований (2014–2024)**

Год	Количество	Формат	Год	Количество	Формат
2014 <i>Торонто</i>	4	3 панели 1 круглый стол 20 докладов	2020 <i>Гонолулу</i>		Отменен по причине коронавирусных ограничений
2015 <i>Новый Орлеан</i>	4	4 панели 24 доклада	2021 <i>Онлайн-формат</i>	7	5 панелей 2 круглый стол 41 доклад
2016 <i>Атланта</i>	9	8 панелей 1 круглый стол 41 доклад	2022 <i>Нэшвилл</i>	11	10 панелей 1 круглый стол 47 докладов
2017 <i>Балтимор</i>	5	5 панелей 33 доклада	2023 <i>Монреаль</i>	5	4 панелей 1 круглый стол 29 докладов
2018 <i>Сан-Франциско</i>	6	6 панелей 34 доклада	2024 <i>Сан-Франциско</i>	4	1 панелей 3 круглый стол 33 доклада
2019 <i>Торонто</i>	6	6 панелей 33 доклада			

Источник: составлено автором на основе: Past ISA conferences and programs¹⁷.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibidem.

Таблица 3

Тематические направления мероприятий по санкционной проблематике на Конвентах Ассоциации международных исследований (2009–2024)

Формат	Направление
Панель	Исследования внешней политики (Foreign policy analysis)
	Международная политическая экономия (International political economy)
	Международная политическая социология (International political sociology)
	Международное право (International law)
	Исследования в области безопасности (Security studies)
	Исследования мира (Peace studies)
	Международные организации (International organizations)
	Сравнительные междисциплинарные исследования (Comparative interdisciplinary studies)
	Естественно-научные исследования международных процессов (Scientific study of international processes)
	Исследования в области дипломатии (Diplomatic studies)
	Исследования в области прав человека (Human rights)
	Посткоммунистические политические системы (Post-communist systems)
Круглый стол	Этические вопросы международных отношений (International ethics)
	Теория феминизма и гендерные исследования (Feminist theory and gender studies)
	Исследования внешней политики (Foreign policy analysis)
	Международная политическая экономия (International political economy)
	Международные организации (International organizations)
	Этические вопросы международных отношений (International ethics)

Источник: составлено автором на основе: Past ISA conferences and programs¹⁸.

Таблица 4

Санкционные исследования как самостоятельная область в предметном поле политической науки

Аргументы «за»	Аргументы «против»
Наличие специфического категориально-понятийного аппарата	Отсутствие традиционных лингвистических маркеров
Академическая преемственность, в том числе в форме экспертных дискуссий в профильной литературе	Низкий уровень институционализации; разрозненность национальных подходов
Высокая актуальность и востребованность в профессиональной среде; запрос на расширение теоретических наработок по теме	Отсутствие саморефлексии в статусе сложившейся субдисциплины

Источник: составлено автором.

¹⁸ Ibidem.

Российская санкционная экспертиза: на пути к становлению национальной школы?

Специфика отечественного подхода к разработке концепции экономических ограничений обусловлена следующими важными вводными.

Во-первых, этот подход в целом можно охарактеризовать как реактивный, т. е. сформировавшийся в силу необходимости отреагировать на международно-политический контекст, сложившийся в результате первого «санкционного цунами» 2013–2014 гг. При этом существуют и заслуживающие внимания исключения, которые, однако, скорее подтверждают правило. Например, в 1936 г. СССР представил собственный взгляд на противодействие международной агрессии в рамках Лиги Наций, воплощенный в одноименной монографии Д. Борисова «Санкции» [Борисов, 1936]. Безусловно, оценивать ее необходимо прежде всего с учетом преобладания соответствующей идеологической рамки, но и игнорировать ее представляется нецелесообразным. Само присутствие в повестке говорит о том, что Москва внимательно следила за актуальными международными трендами: к моменту признания со стороны ведущих государств Советская Россия уже сталкивалась с массовым применением санкций против внешнеторговой деятельности¹⁹, следовательно, накопленный опыт позволял ей предметно и легитимно высказать позицию. Наконец, в основу анализа был положен принцип рассмотрения политических мотивов использования рестрикций. Указанный принцип в возрожденном виде широко применяется в отечественной академической среде. Тем не менее текст Д. Борисова не вышел за рамки единичного исследования; в период массового применения как односторонних, так и санкционированных ООН ограничений в 1950–2000-е гг. интерес к теме фактически угас. Более того, даже постепенное, но устойчивое возвращение Вашингтона к политике экономического сдерживания России (только в период с 1992 по 2008 г. США как минимум

¹⁹ Так, в результате блокады со стороны Верховного совета Антанты и присоединившейся к ней по итогам Версальского договора Германии торговый оборот РСФСР за год снизился практически в 35 раз: с 88,9 млн руб. в 1918 г. до 2,6 млн руб. в 1919 г. См.: Санкции Запада против СССР. Досье // ТАСС. 10.03.2016. URL: <https://tass.ru/info/2728444?ysclid=mkgtuoumgv820570955> (дата обращения: 05.03.2026).

12 раз прибегали к подобным мерам²⁰) не стало катализатором увеличения корпуса профильной литературы, а реальный рост количества публикаций пришелся на отрезок после 2017–2018 гг. Таким образом, принимая во внимание поздний старт, сложно говорить о самостоятельной полноценной традиции, потребность в которой, между тем, ощущается достаточно остро: «С учетом того, что Россия находится в эпицентре современной политики санкций, перед отечественной наукой встает как задача проведения профессиональных эмпирических исследований, так и необходимость их теоретических обобщений с выходом за пределы теорий среднего уровня» [Тимофеев, 2023b: 116].

Во-вторых, поскольку к моменту активизации российских авторов категориально-понятийный аппарат, а также общие особенности соответствующего дискурса уже оформились хронологически, произошло их закономерное заимствование. Следовательно, специалисты практически не используют языковые средства, характеризующие их деятельность как интеллектуально самостоятельную область. Среди приверженцев альтернативного стиля организации аналитического процесса выделяется И. Тимофеев, сосредоточивший усилия не только на «классическом» разборе кейсов, но и на поиске онтологических основ санкционной политики [Тимофеев, 2023а, 2023b]. Что касается оригинальных концептуальных решений, стоит отметить М. Братерского, который еще в 2010 г. сформулировал несколько нестандартных эвристически ценных выводов: «Другое важное свойство экономических санкций состоит в том, что они лишь инструмент внешней политики, но никогда не становятся ее воплощением. Это соображение очень существенно при оценке эффективности санкций: санкции как таковые могут возыметь тот или иной эффект, однако оценивать следует эффективность не санкций, а политики, частью которой они являются. Утверждения о неэффективности экономических санкций, часто встречающиеся в литературе и политических заявлениях, сами по себе не имеют смысла, так как их авторы часто путают оценки инструментальной эффективности санкций с оценками эффективности той или иной политики. <...> На деле применение санкций

²⁰ При этом, как правило, данные санкции вводились на ограниченный срок и по его истечении снимались в соответствии с установленной процедурой. См.: Санкции США в отношении российских компаний в 1992–2008 гг. Справка // РИА Новости. 24.10.2008. URL: <https://ria.ru/20081024/153760143.html> (дата обращения: 05.03.2026).

часто преследует больше внешнеполитических целей, чем объявлено официально, и порой заявленная цель введения санкций отнюдь не главная» [Братерский, 2010: 101–102]. И несмотря на то что намеченная линия не получила прямого развития в виде последующего планомерного выстраивания вокруг нее системы, претендующей на статус школы, вероятно, такой сценарий может быть реализован.

В-третьих, задачи, стоящие перед Москвой в области санкционной повестки, в силу объективных обстоятельств носят прежде всего прагматичный характер в виде внедрения стратегии адаптации к существующим и потенциальным ограничениям. В этом смысле развитие, выходящее за пределы теорий среднего уровня и, следовательно, требующее большего объема ресурсов, может восприниматься избыточным, поскольку вопросы, составляющие изначально академический интерес, как правило, закономерно отходят на второй план. Аналогичным образом объясняется в целом относительно небольшое число отечественных работ теоретико-методологического плана; впрочем, здесь прослеживается хоть и не резкая, но положительная динамика [Ананьев, 2019; Арапова, 2023; Корольков и др., 2022; Энтин и др., 2024].

Совокупность рассмотренных аргументов позволяет предположить, что возможное становление российской традиции санкционных исследований с характерными дискурсивными и инструментальными признаками является в значительной степени вопросом времени. В пользу этого утверждения также свидетельствуют постепенное формирование инструментария, направленного на концептуализацию специфики отечественной санкционной политики, и преодоление ограничений, выявленных при анализе уже существующих методологических решений²¹. В первую очередь это разноформатные базы данных, в частности:

- «B2B софт X-Compliance» от группы «Интерфакс», позволяющая производить поиск подсанкционных лиц и связанных с ними

²¹ В частности, крупная международная база данных TIES (Threat and Imposition of Economic Sanctions), в основе которой лежит регрессионный анализ, с одной стороны, позволяет тестировать исследовательские гипотезы, в том числе при оценке ущерба от классических и «умных» санкций, а с другой — демонстрирует чрезмерную чувствительность к изменению комбинации вводных и переменных [Clifton Morgan et al., 2014].

активов, отслеживать новости по теме и динамику изменения ситуации²²;

- коммерческий продукт Российского совета по международным делам (База данных санкционных событий), фиксирующий отдельные эпизоды введения ограничений и специфику их имплементации [Тимофеев, 2023а];
- портал «SanctionsRuBase+», созданный представителями факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. На портале размещены базы «Мониторинг конфискации российских активов и доходов от российских активов» и «Санкционные ограничения в отношении физических и юридических лиц», а также информация по актуальной повестке²³.

Таким образом, национальное экспертное сообщество может двигаться в сторону школы по принципу «матрешки» [Тимофеев, 2023а: 31], т. е. преимущественно индуктивно за счет драйвера в виде эмпирического компонента и последующей надстройки теоретического аппарата, который в свою очередь тестируется на дальнейших кейсах.

* * *

В данном материале были рассмотрены вопросы, образующие полемику относительно возможности классифицировать изучение санкционной проблематики в качестве самостоятельного направления в рамках предметного поля политической науки. На основе изложенных доводов можно прийти к следующим заключениям. Ряд признаков позволяют утверждать, что, несмотря на отсутствие некоторых формальных лингвистических и организационных составляющих, правомерно вести речь о стабильной интеллектуальной практике.

Во-первых, недостаток оригинальных методологических приемов частично компенсируется уникальным понятийно-категориальным аппаратом, который является отражением развития взглядов на природу и механику применения экономических ограничений в XX в. Во-вторых, при работе с корпусом англоязычной литературы можно проследить черты инструментальной преемственности и эволюции, а также наличие развернутых циклов прямого и опосредованного

²² X-Compliance // Информационная группа «Интерфакс». URL: <https://x-compliance.ru/?ysclid=mkjnbxh1ih69281222> (дата обращения: 05.03.2026).

²³ База данных антироссийских санкций SanctionsRuBase+. URL: <https://sanctionsbase.hse.ru:8443/home> (дата обращения: 05.03.2026).

экспертного диалога по ключевым аспектам санкционной повестки. В-третьих, к положительным индикаторам относится устойчивый системный интерес к теме на уровне профильных организаций, объединяющих международных.

Таким образом, предмет обсуждения характеризуется востребованностью и одновременно низким уровнем институционализации в условиях существующей архитектуры производства научного знания. Следовательно, в дальнейшем предлагается ввести в оборот и использовать синонимы «*sanctions studies*» / «санкционные исследования» как легитимный элемент экспертной риторики по соответствующим вопросам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьев Б.И. Санкции в теории международных отношений: методологические противоречия и проблемы интерпретации // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14, № 3. С. 136–150. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-07.

2. Арапова Е.Я. Новые модальности глобальной санкционной политики // Международная аналитика. 2023. Т. 14, № 1. С. 37–51. DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-1-37-51.

3. Борисов Д. Санкции. М.: Соцэкгиз, 1936.

4. Братерский М.В. Экономические инструменты внешней политики и политические риски. М.: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2010.

5. Корольков В.Е., Смирнова И.А., Ерофеева Т.А. Политика санкций как инструмент современных международных отношений. М.: Прометей, 2022.

6. Соломин А.С. Санкции как политический инструмент: анализ феномена санкций с точки зрения международных отношений // Вопросы политологии. 2023. Т. 13, № 12 (100). С. 6625–6635. DOI: 10.35775/PSI.2023.100.12.037.

7. Тимофеев И.Н. Как исследовать политику санкций? Стратегия эмпирического исследования // Международная аналитика. 2023. Т. 14, № 1. С. 22–36. DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-1-22-36.

8. Тимофеев И.Н. Политика санкций в меняющемся мире: теоретическая рефлексия // Полис. Политические исследования. 2023. № 2. С. 103–119. DOI: 10.17976/jpps/2023.02.08.

9. Энтин М.Л., Энтина Е.Г., Давранова С.Б., Наджаров А.М. Теоретико-методологические аспекты изучения санкционной политики Запада // Полис. Политические исследования. 2024. № 1. С. 7–20. DOI: 10.17976/jpps/2024.01.02.

10. Bapat N., Heinrich T., Kobayashi Y., Clifton Morgan T. Determinants of sanctions effectiveness: sensitivity analysis using new data // *International Interactions*. 2013. Vol. 39, No. 1. P. 79–98. DOI: 10.1080/03050629.2013.751298.

11. Buzan B., Hansen L. *The evolution of international security studies*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

12. Carr E.H. *The twenty years' crisis, 1919–1939. An introduction to the study of international relations*. 2nd ed. London: MacMillan&Co Ltd., 1946.

13. Charron A. *UN sanctions and conflict: responding to peace and security threats*. London: Routledge, 2011.

14. Chen X., Garcia R.J. Economic sanctions and trade diplomacy: sanction-busting strategies, market distortion and efficacy of China's restrictions on Norwegian salmon imports // *China Information*. 2016. Vol. 30, No. 1. P. 29–57. DOI: 10.1177/0920203X15625061.

15. Clifton Morgan T., Bapat N., Kobayashi Y. The threat and imposition of sanctions: updating the TIES dataset // *Conflict Management and Peace Science*. 2014. Vol. 31, No. 5. P. 541–558. DOI: 10.1177/0738894213520.

16. *Dilemmas of economic coercion: sanctions in world politics* / ed. by M. Nincic, P. Wallenstein. New York: Praeger Publishers, 1983.

17. Doxey M.P. *International sanctions in contemporary perspective*. Basingstoke: Macmillan Press, 1987.

18. Drezner D.W. *The sanctions paradox: economic statecraft and international relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

19. *Economic sanctions in international law and practice* / ed. by M. Asada. London: Routledge, 2020.

20. Farrall J. *United Nations sanctions and the rule of law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

21. Galtung J. On the effects of international economic sanctions, with examples from the case of Rhodesia // *World Politics*. 1967. Vol. 19, No. 3. P. 378–416. DOI: <https://doi.org/10.2307/2009785>.

22. Giumelli F. *Coercing, constraining, signalling. Explaining UN and EU sanctions after the Cold War*. Colchester: ECPR Press, 2011.

23. Giumelli F. Da sanzioni comprensive a sanzioni mirate. L'evoluzione di uno strumento fondamentale di politica estera // *La politica internazionale in transizione* / ed. by F. Andreatta, L. Zambernardi. Bologna: Il Mulino, 2012. P. 399–420.

24. Giumelli F. *Le sanzioni internazionali: storia, obiettivi ed efficacia*. Bologna: Il Mulino, 2023.

25. Giumelli F. The restrictive measures of the European Union. Developing analytical categories to understand functions and utility of EU sanctions // *The International Spectator*. 2010. Vol. 45, No. 3. P. 131–144. DOI: 10.1080/03932729.2010.504629.

26. Giumelli F. *The success of sanctions: lessons learned from the EU experience*. London: Routledge, 2013.
27. Hoffmann F. The functions of economic sanctions: a comparative analysis // *Journal of Peace Research*. 1967. Vol. 4, No. 2. P. 140–159.
28. Hufbauer G.C., Shott J.J. *Economic sanctions in support of foreign policy goals*. Washington, D.C.: Institute for International Economics, 1983.
29. Hufbauer G.C., Shott J.J., Elliott K.A. *Economic sanctions reconsidered. History and current policy*. Washington, D.C.: Institute for International Economics, 1985.
30. Jaeger M.D. *Coercive sanctions and international conflicts. A sociological theory*. London: Routledge, 2018.
31. Martin L.L. Credibility, costs and institutions: cooperation on economic sanctions // *World Politics*. 1993. Vol. 45, No. 3. P. 406–432. DOI: 10.2307/2950724.
32. Mitrany D. *Le problème des sanctions internationales*. Paris: Centre Européen de la Dotation Carnegie, 1926.
33. Pape R.A. Why economic sanctions do not work // *International Security*. 1997. Vol. 22, No. 2. P. 90–136. DOI: 10.2307/2539368.
34. Pape R.A. Why economic sanctions still do not work // *International Security*. 1998. Vol. 23, No. 1. P. 66–77. DOI: 10.2307/2539263.
35. Renwick R. *Economic sanctions*. Cambridge: Center for International Affairs, Harvard University, 1981.
36. *Research handbook on economic sanctions* / ed. by P.A.G. van Bergeijk. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021.
37. *Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions* / ed. by C. Beaucillon. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021.
38. Taubenfeld H.J., Taubenfeld R. The economic weapon: the League and the United Nations // *Proceedings of the American Society of International Law at Its Annual Meeting (1921–1969)*. 1964. Vol. 58. P. 183–205.
39. Vaslavskiy Y., Ananyev B., Sergi B. The impact of international sanctions on Russia's sustainable development // *Exploring the future of Russia's economy and markets: towards sustainable economic development* / ed. by B.S. Sergi. Bingley: Emerald Publishing Ltd., 2019. P. 201–218.
40. Wallensteen P. A century of economic sanctions: a field revisited // *Uppsala Peace Research Papers*. 2000. No. 1. P. 1–23.
41. Wallensteen P. Characteristics of economic sanctions // *Journal of Peace Research*. 1968. Vol. 5, No. 3. P. 248–267. DOI: 10.1177/002234336800500303.

REFERENCES

1. Ananyev, B.I. (2019) 'Sanktsii v teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: metodologicheskie protivorechiya i problemy interpretatsii' [Sanctions in IR: understanding, defining, studying], *International Organisations Research Journal*,

14(3), pp. 136–150. Available at: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-07>. (In Russian.)

2. Arapova, E.Ya. (2023) ‘Novye modal’nosti global’noi sanktsionnoi politiki’ [New modalities of the global sanctions policy], *Journal of International Analytics*, 14(1), pp. 37–51. Available at: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-37-51>. (In Russian.)

3. Borisov, D. (1936) *Sanktsii* [Sanctions]. Moscow: Sotsekgiz Publ. (In Russian.)

4. Braterskii, M.V. (2010) *Ekonomicheskie instrumenty vneshnei politiki i politicheskii riski* [Economic instruments of foreign policy and political risks]. Moscow: Izdatel’skii dom Gosudarstvennogo universiteta Vysshei shkoly ekonomiki Publ. (In Russian.)

5. Korol’kov, V.E., Smirnova, I.A. and Erofeeva, T.A. (2022) *Politika sanktsii kak instrument sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii* [The policy of sanctions as an instrument of contemporary international relations]. Moscow: Prometei Publ. (In Russian.)

6. Solomin, A.S. (2023) ‘Sanktsii kak politicheskii instrument: analiz fenomena sanktsii s tochki zreniya mezhdunarodnykh otnoshenii’ [Sanctions as a political instrument: analysis of the phenomenon of sanctions from the point of international relations], *Political Science Issues*, 13(12), pp. 6625–6635. Available at: <https://doi.org/10.35775/PSI.2023.100.12.037>. (In Russian.)

7. Timofeev, I.N. (2023a) ‘Kak issledovat’ politiku sanktsii? Strategiya empiricheskogo issledovaniya’ [How to study the policy of sanctions? The vision of empirical research], *Journal of International Analytics*, 14(1), pp. 22–36. Available at: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-22-36>. (In Russian.)

8. Timofeev, I.N. (2023b) ‘Politika sanktsii v menyayushchemsya mire: teoreticheskaya refleksiya’ [Policy of sanctions in a changing world: theoretical reflection], *Polis. Political Studies*, (2), pp. 103–119. Available at: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.08>. (In Russian.)

9. Entin, M.L., Entina, E.G., Davranova, S.B. and Nadzharov, A.M. (2024) ‘Teoretiko-metodologicheskie aspekty izucheniya sanktsionnoi politiki Zapada’ [Theoretical and methodological aspects of the Western sanctions policy research], *Polis. Political Studies*, (1), pp. 7–20. Available at: <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.01.02>. (In Russian.)

10. Bapat, N., Heinrich, T., Kobayashi, Y. and Clifton Morgan, T. (2013) ‘Determinants of sanctions effectiveness: sensitivity analysis using new data’, *International Interactions*, 39(1), pp. 79–98. Available at: <https://doi.org/10.1080/03050629.2013.751298>.

11. Buzan, B. and Hansen, L. (2009) *The evolution of international security studies*. Cambridge: Cambridge University Press.

12. Carr, E.H. (1946) *The twenty years’ crisis, 1919–1939. An introduction to the study of international relations*. 2nd edn. London: MacMillan&Co Ltd.

13. Charron, A. (2011) *UN sanctions and conflict: responding to peace and security threats*. London: Routledge.

14. Chen, X. and Garcia, R.J. (2016) 'Economic sanctions and trade diplomacy: sanction-busting strategies, market distortion and efficacy of China's restrictions on Norwegian salmon imports', *China Information*, 30(1), pp. 29–57. Available at: <https://doi.org/10.1177/0920203X15625061>.

15. Clifton Morgan, T., Bapat, N. and Kobayashi, Y. (2014) 'The threat and imposition of sanctions: updating the TIES dataset', *Conflict Management and Peace Science*, 31(5), pp. 541–558. Available at: <https://doi.org/10.1177/0738894213520>.

16. Nincic, M. and Wallensteen, P. (eds.) (1983) *Dilemmas of economic coercion: sanctions in world politics*. New York: Praeger Publishers.

17. Doxey, M.P. (1987) *International sanctions in contemporary perspective*. Basingstoke: Macmillan Press.

18. Drezner, D.W. (1999) *The sanctions paradox: economic statecraft and international relations*. Cambridge: Cambridge University Press.

19. Asada, M. (ed.) (2020) *Economic sanctions in international law and practice*. London: Routledge.

20. Farrall, J. (2007) *United Nations sanctions and the rule of law*. Cambridge: Cambridge University Press.

21. Galtung, J. (1967) 'On the effects of international economic sanctions, with examples from the case of Rhodesia', *World Politics*, 19(3), pp. 378–416. Available at: <https://doi.org/10.2307/2009785>.

22. Giumelli, F. (2011) *Coercing, constraining, signalling. Explaining UN and EU sanctions after the Cold War*. Colchester: ECPR Press.

23. Giumelli, F. (2012) 'Da sanzioni comprensive a sanzioni mirate. L'evoluzione di uno strumento fondamentale di politica estera', in Andreatta, F. and Zambenardi, L. (eds.) *La politica internazionale in transizione*. Bologna: Il Mulino, pp. 399–420.

24. Giumelli, F. (2023) *Le sanzioni internazionali: storia, obiettivi ed efficacia*. Bologna: Il Mulino.

25. Giumelli, F. (2010) 'The restrictive measures of the European Union. Developing analytical categories to understand functions and utility of EU sanctions', *The International Spectator*, 45(3), pp. 131–144. Available at: <https://doi.org/10.1080/03932729.2010.504629>.

26. Giumelli, F. (2013) *The success of sanctions: lessons learned from the EU experience*. London: Routledge.

27. Hoffmann, F. (1967) 'The functions of economic sanctions: a comparative analysis', *Journal of Peace Research*, 4(2), pp. 140–159.

28. Hufbauer, G.C. and Shott, J.J. (1983) *Economic sanctions in support of foreign policy goals*. Washington, D.C.: Institute for International Economics.

29. Hufbauer, G.C., Shott, J.J. and Elliott, K.A. (1985) *Economic sanctions reconsidered. History and current policy*. Washington, D.C.: Institute for International Economics.

30. Jaeger, M.D. (2018) *Coercive sanctions and international conflicts. A sociological theory*. London: Routledge.

31. Martin, L.L. (1993) 'Credibility, costs and institutions: cooperation on economic sanctions', *World Politics*, 45(3), pp. 406–432. Available at: <https://doi.org/10.2307/2950724>.

32. Mitrany, D. (1926) *Le problème des sanctions internationales*. Paris: Centre Européen de la Dotation Carnegie.

33. Pape, R.A. (1997) 'Why economic sanctions do not work', *International Security*, 22(2), pp. 90–136. Available at: <https://doi.org/10.2307/2539368>.

34. Pape, R.A. (1998) 'Why economic sanctions still do not work', *International Security*, 23(1), pp. 66–77. Available at: <https://doi.org/10.2307/2539263>.

35. Renwick, R. (1981) *Economic sanctions*. Cambridge: Center for International Affairs, Harvard University.

36. van Bergeijk, P.A.G. (ed.) (2021) *Research handbook on economic sanctions*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.

37. Beaucillon, C. (ed.) (2021) *Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.

38. Taubenfeld, H.J. and Taubenfeld, R. (1964) 'The economic weapon: the League and the United Nations', *Proceedings of the American Society of International Law at Its Annual Meeting (1921–1969)*, 58, pp. 183–205.

39. Vaslavskiy, Y., Ananyev, B. and Sergi, B. (2019) 'The impact of international sanctions on Russia's sustainable development', in B.S. Sergi (ed.) *Exploring the future of Russia's economy and markets: towards sustainable economic development*. Bingley: Emerald Publishing Ltd., pp. 201–218.

40. Wallensteen, P. (2000) 'A century of economic sanctions: a field revisited', *Uppsala Peace Research Papers*, (1), pp. 1–23.

41. Wallensteen, P. (1968) 'Characteristics of economic sanctions', *Journal of Peace Research*, 5(3), pp. 248–267. Available at: <https://doi.org/10.1177/002234336800500303>.

Статья поступила в редакцию 22.01.2026;
одобрена после рецензирования 03.03.2026;
принята к публикации 09.04.2026

The paper was submitted 22.01.2026;
approved after reviewing 03.03.2026;
accepted for publication 09.04.2026